

ФИЛОСОФИЯ АРХЕОЛОГИИ

В.В. Сидоров

Археология, реконструируя былую действительность по материальным следам, в значительной мере занята выявлением их связей (контактов, циркуляции информации), после чего они становятся историческими фактами. Анализ позволяет различать и описывать, но только лишь его для исторической реконструкции недостаточно из-за неизбежной неполноты данных. Требуется синтез, улавливающий системные связи и объединяющий разные стороны былой действительности. В ином случае объективно фиксируемые признаки без установленной между ними связи являются лишь информационным шумом. Философия и есть ощущение единства Мира, которое позволяет объединять анализируемое множество. Когда удаётся связать в систему факты, относящиеся к разным сторонам былой действительности, прорисовывается достоверность её прочтения. Целостное восприятие былой действительности, несмотря на фрагментарность выявленных данных, позволяет говорить о философии археологии.

При рассмотрении природы культуры выделяются материальный, духовный и когнитивный аспекты. Культура — это общественный опыт, полученный конкретным социумом в ходе его истории. Циркуляция информации и создаёт социум. Стандартная задача археологии — выявление социумов с разной культурой и распознавание их развития и взаимодействия. Верифицировать полученные выводы позволяют другие науки, исследующие общество, — этнология, социология, культурология, антропология, историческая лингвистика. Автор призывает обращать внимание на необходимость более детального исследования роли миграций в распространении культуры, на неоднородность самого социума, на неоднозначность использования элементарных признаков для характеристики культуры, на важность привлечения интегрированных источников для реконструкции хозяйства.

Ключевые слова: археология, философия, история культуры, социум, археологическая культура, миграции.

*«Философия — это способ мыслить отчётливо»
М. Мамардашвили*

Археология, реконструируя прошлое по материальным остаткам, занимается преимущественно выявлением их связей. Это могут быть конкретные реконструкции частей былой действительности. Анализ даёт возможность распознавать и описывать наблюдаемые объекты, фиксировать их различия, выражать различие количественно. Он говорит о том, как делается предмет, какие на нём следы. Достоверность прочтения разных сторон былой действительности обусловлена фактами, системно связанными между собой. Но только синтез коррелирует сочетание объектов разного

Сидоров Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, Москва, Россия.

Sidorov Vladimir Vladimirovich, PhD, Senior Researcher, Department for the Preservation of Archaeological Heritage at the Institute of Archaeology, RAS, Moscow, Russia.

E-mail: gav-lupus@rambler.ru

назначения и материала в системы быта, хозяйства, ценностей, превращает набор объективных данных в действующую модель.

Сами по себе объективные данные никакой картины не рисуют. Соединяет разрозненные детали моделирование — гипотеза и её проверка. Совпадений с выводами других наук не достаточно (ни одна наука сама себя доказывать не может). Эти выводы тоже в основном состоят из гипотез и отражают структуру мировоззренческой конструкции исследователя. Это касается не только гуманитарных, но и естественных наук, по крайней мере, тех, где невозможен эксперимент. Мы не можем делать выводы вне пределов компетенции, но различать факты и гипотезы, особенно когда предпринимаются попытки реконструировать историю, приходится, при этом надо знать механизм построения гипотез. Также и археология обладает своим фактическим материалом и может противоречить выводам других наук.

С одной стороны, помимо археологии, историю человека строят антропология, генетика, а с другой — лингвистика и фольклористика. Имеют отношение к истории география, геология, биология, этология, а также социология, психология, этнография, культурология. Все эти науки касаются истории человека, но и человек является частью истории Земли.

Условия биологического существования человека — поле археологии и антропологии. Человек освоил природно-климатические ниши, совершенно не пригодные для обитания его предков, адаптировался средствами культуры, хотя присутствует и биологическая адаптация. Антропология фиксирует также биологическое родство. Лингвистика фиксирует контакты социумов одного биологического вида, но и остальные гуманитарные науки это делают. По сути, все они выстраивают генеалогические древа, и это одно и то же дерево.

Антропология и генетика касаются истории человека. При этом начинает быстро накапливаться материал по истории его как биологического существа — уточняются сведения о питании, химизме среды, нагрузках, болезнях. Но построения истории популяций, основанные на генетической хронологии, находятся в противоречии с фактами, которые генетики выводят из гипотезы о постоянном и равномерном мутагенезе.

Лингвисты, занимаясь интралингвистическими факторами, забывают, что язык — часть культуры, и что его развитие зависит от экстралингвистических предпосылок. Их представления о генезисе языков отражают слабую осведомлённость в этнографии, которая могла бы показать, как языки взаимодействуют на практике, и что сохраняются они гораздо дольше, чем полагают исторические лингвисты. Методами лингвистики достоверно определяются степень родства языков, следы заимствований, последовательность лингвистических явлений. Концепция праязыков позволяет реконструировать былое звучание слова и его контекст, изменение семантических полей. Однако сомнительность абсолютной датировки языков и исторических событий глоттохронологическими методами показана О.Н. Трубочёвым (Трубочёв 2002).

Целостное восприятие картины прошлого позволяет говорить о философии археологии. Простая фиксация признаков как «объективных данных» превращается в конструирование действительности: вместо системы связанных явлений подставляются представления автора. Например, данные о количественном соотношении разновременной керамики в ком-

плексе памятника используются для оценки относительной интенсивности хозяйственной деятельности разновременных обществ. Но учитывать надо ещё и разрушение керамики предшествовавших комплексов, зависимость этого процесса от технических свойств черепка. Планировка поселений должна исследоваться при строгой синхронизации построек. Точное датирование тут не поможет: длительность существования отдельного жилища обычно составляет не более 25 лет, а погрешность датировки может быть гораздо больше (Жульников 2003). Без стратиграфической синхронизации мы получаем только показатель относительных предпочтений мест построек и поселений, но не реальные их планы.

Деятельность общественного существа включает использование готовых решений, стереотипов, которые являются зафиксированным опытом других особей социума. Но это и есть культура как общественный опыт, информация, полученная через научение. В социуме нарабатывается система накопления, фиксации и передачи опыта. Специфика информационных полей культуры связана с конкретной направленностью опыта и системной связью его элементов. Если опыт направлен на преобразование природной среды, то это явление обозначается термином «материальная культура». Если же его целью становится регуляция социальной среды, то в таком случае используется термин «духовная культура». Третий вид культуры направлен на систематизацию и сохранение опыта, его можно назвать «информационной культурой» или «когнитивной культурой». Культура вообще-то ни материальна, ни духовна: она имеет информационную природу.

В социуме возникает разделение труда, специализация как структурирование опыта, связанное с видами деятельности, — тогда развиваются субкультуры. Приспособление к конкретной среде в животном мире происходит через видообразование, то есть изменение биологических свойств, но начинается оно всё же с вариативности поведения (такую точку зрения можно рассматривать как возвращение к идеям Ж.Б. Ламарка). Специализация касается поведения, и только потом — биологии, соматики, возможно, с подключением фактора отбора, который представляет собой частный случай изменчивости. Адаптация человека к ещё более разнообразной среде, чем та, которая доступна любому другому виду, проходит через культуру. При этом, несмотря на миллионлетнюю изолированность популяций в разных концах Ойкумены, все они остались одним видом. И это — археологический факт, который ещё предстоит осмысливать биологам. Генетические датировки остаются гипотетическими, и они противоречат археологическим, заставляя говорить о миграциях в тех случаях, когда нет материальных свидетельств существования этих процессов.

Стереотипизированный опыт — это не только специализация отдельных групп в пределах социума, но и повторяемость ситуаций, группового поведения. Эти стандарты помогают идентификации по критерию «свой — чужой». «Свой» — значит понимающий твой опыт и, следовательно, тебя. Это сплачивает группу. Но существует и чужой опыт, который ещё надо научиться понимать. Его усвоение ведёт к расширению культуры — он может быть «запасным» опытом, когда своих стереотипов не хватает. Общение с носителями иной культуры, с одной стороны, ведёт

к осознанию единства «своих», с другой — формирует адаптационный резерв, что придаёт большую гибкость собственной культуре.

Один из способов закрепления опыта — формирование традиций. Они представляют собой привычки, стереотипы, зафиксированные в слове, иначе говоря, это способ двойного копирования. Перевод опыта из ручного навыка в вербальную форму делает его особо прочным, ставит под контроль общества, нагружает дополнительными смыслами. Традиция — это не хорошо и не плохо, это просто форма сохранения информации.

Стандартная задача археологии — выявить следы общности как группы одной культуры со своим набором привычек, со своим представлением о том, как эти привычки реализовать. Археологический тип и есть материализованный стереотип, включающий устойчивый перечень признаков: обязательных и желательных (факультативных). Он также отражает систему рабочих навыков, которые входят в состав культуры. Среди них есть признаки, диктуемые материалом, функцией, ситуацией. Они малоинформативны для характеристики культур, хотя и несут сведения об адаптации, экономике, экологии, быте. Но и требования, предъявляемые к инструменту, — это тоже элемент культуры.

Циркуляция информации осуществляется в пространстве — между группами, понимающими друг друга, — и во времени — между поколениями. Значимость таких признаков, как самоназвание, самосознание, национальный характер, ситуационна: это следствие, а не причина существования этноса. Наша задача при изучении культуры — очистить информацию от случайных факторов, с ней не связанных, и дистиллировать сохранившиеся черты социума, найти следы контактов и преемственности. Мы не в состоянии реконструировать этническую культуру разносторонне: слишком мало от неё сохраняется. Но выделить само единство, социум можем. А значит, можем и проследивать этническую историю, взаимодействие разных культур, формирование субкультур. Многоступенчатость уровней этнических общностей позволяет проследивать историю их родства на неограниченную глубину, без оглядки на лингвистику, которая не располагает, в отличие от археологии, независимой календарной шкалой.

Один из основных методов археологии — это группировка материала в археологические культуры. Гносеологический подход выстраивает из совпадающих наборов признаков сборное множество. Предполагается, что такой набор позволяет фиксировать след социального единства — социума. История социумов рассматривается как череда таких локально-хронологических наборов, последовательность которых устанавливается естественно-научными методами. При этом подходе археологические культуры, определяемые по списку признаков, возникают в момент формирования определяющего набора и исчезают с его утратой (Алексеев 1988). Комплексы, сочетающие признаки разных культур, рассматриваются как переходные, гибридные или смешанные. Чем меньше и определённый набор признаков, тем вероятнее бесследное исчезновение культуры в результате изменения технологии, образа жизни. Но исчезает не культура как система, а лишь признак, которым нам удобно её обозначать.

Определение понятия «археологическая культура» через перечисление признаков, по которым она распознаётся, уводит от поиска сути явления. Археологическая культура — это и есть археологизированная культура.

Именно культура как общий опыт и составляет суть этнического единства. Этнос — среда циркуляции информации. Именно культура — суть этноса.

Определение понятия «культура» должно формулироваться не через перечень признаков, которые могут быть не значимы и чья сохранность зависит от внешних факторов. Необходимо определение через суть, то есть с помощью структурообразующего свойства явления. Если социум первичен, то основное его свойство — именно *культура как общественный опыт*. Формируется же он конкретной *историей социума*. Культура не возникает и не исчезает: она заключается в преемственности и меняется в процессе эволюции социума. Трансформация облика культуры означает не смену этнической принадлежности, а только переход к другой стадии её существования. Изменение системы родственных связей — фактор, наиболее существенный для этногенеза. Одновременное изменение признаков может происходить как в процессе саморазвития культуры, так и при включении в неё блоков чуждой традиции. Количество изменившихся свойств не означает этнического преобладания. Трансформация культуры могла быть связана с новациями в хозяйстве и технологии. Ассимиляция же означает изменение направления родственных связей — чужие могут становиться своими, для чего надо породниться.

Археологическая культура в любом случае — след социума. Общие признаки в разных общностях являются показателем циркуляции информации, которая происходит в любом социуме. Каждое общество обладает своей историей и культурой. И то, и другое есть общественный опыт, присущий ему и отличающий его от других социумов того же порядка. В большинстве видов социумов единство возникает в результате совместных действий при обучении. Обычно оно фиксируется посвящением и обретением через этот ритуал социального ранга. Но этнические единства скрепляются нормами, воспринимаемыми как естественные, без рефлексии. Так усваиваются язык, общественные ценности, бытовые привычки, родственные обязанности. Именно эти факторы определяют этническую принадлежность. Но усвоение без рефлексии происходит только в младенчестве и раннем детстве, когда кругом общения является семья. Родственные связи диктуют нормы поведения, определяют общественные обязанности членов группы. Этническая культура каждого строится на основе, заложенной в этот период. Детское усвоение без рефлексии (*импринтинг*) закладывает основы культуры, не подлежащие критике и пересмотрам, они воспринимаются как само собой разумеющееся. В первые годы жизни, в семье, усваивается язык, при этом овладение фонетикой и грамматикой происходит раньше, чем словарём. В подростковом возрасте начинаются контакты с внешним миром, обучение мастерству, но этот пласт культуры уже не столь монолитен, допускаются новации.

Стоит отметить, что семья не обязательно моноэтнична. Экзогамия заставляла искать жену на стороне, а при редком населении — за многие сотни, а то и тысячи километров, что мы видим в раннем неолите. Оценка плотности населения по «демографической ёмкости ландшафта» (Долуханов 1978; Зализняк 1989) завышает её в десятки раз (Сидоров 2008). Она исходит из предполагаемой рациональности первобытного хозяйства, не обладавшего навыками и средствами сохранения запасов и опытом адаптации, который фиксирует этнография.

Само распространение керамики по лесной-лесостепной зоне, где не было никаких предпосылок для возникновения производящего хозяйства и оседлости, не могло происходить без появления здесь женщин из мира, в котором существует проблема переработки запасов, особенно растительной пищи. Не стоит предполагать, что это были миграции, принёсшие навыки земледелия и скотоводства из субтропиков. Такая миграция могла бы быть только катастрофой. Ни доместигированных агрикультур, ни соответствующих навыков для переноса хозяйства через несколько климатических поясов не существовало. Но женщина, обладавшая навыками домашнего хозяйства, могла выдержать такое переселение сначала на приустьевые районы главных рек, а оттуда и по всей лесной зоне.

Традиция патрилокальных браков вела к тому, что в первобытной общине кровными родственниками и людьми одной культуры были только мужчины, за исключением гостей и побратимов. Дочери уходили в другие общины, жёны представляли разные роды, племена и даже этносы. Они приносили тот опыт, который усвоили до замужества. Информацию о тех элементах культуры, усвоение которых имеет возрастные ограничения, девочка в общине получала от старших женщин разного происхождения. Таким образом, интегрированной оказывалась женская субкультура нескольких племён, в пределах которых заключалась большая часть браков. При этом самосознание, осознание единства закреплялось за мужской субкультурой. Перемещение женщины в чужую культуру не является миграцией. Женщина вносит в принимающую среду элементы своей традиции, в том числе бытовое двуязычие, но не культуру как систему. Родственные же связи (и обязательства) существовали как по отцовской, так и по материнской линии. Они порой оказывались «запасной» экологической средой, обеспечивающей выживание. Культурное взаимовлияние между соседями происходило не через обмен и подражание, а посредством заключения смешанных браков. Только таким образом — через культурное взаимодействие — контакты могли закрепляться без отторжения.

Древнейшая керамика восточноевропейского и западно-сибирского неолита не обладает локальной спецификой и культурным стандартом, воспроизводя варианты, уже освоенные на Нижнем Дону, Волге, Днепре, Буге. Они могут указывать на прототипы, к которым эти изделия восходят. И только в конце VI тыс. до н. э. появляются локальные традиции керамики, которые могут свидетельствовать о появлении культуры племён. Это не значит, что её до этого не существовало. Просто не было источника, позволяющего обнаружить женскую субкультуру. Следы других видов хозяйственной деятельности женщины, кроме изготовления керамики, до нас не дошли. А в пределах даты 6,3—6 тыс. л.н. (без калибровки), когда в среднем неолите уже формируются локальные традиции изготовления изделий, наблюдаемые по гребенчато-ямочной керамике, появляется возможность зафиксировать контакты населения от Десны и Сейма до Финляндии. Эти связи могли существовать и ранее, но только с появлением специфической женской субкультуры изготовления керамики появляется возможность её фиксировать. Однако распространение керамики по лесной зоне около 7500 л.н. в обществах без каких-либо предпосылок производящего хозяйства, в среде охотников, рыболовов, — это показатель дальних контактов.

Если локальный вариант археологической культуры можно связывать с племенем, где родственные связи превращали его в субъект истории, то этнос — это среда циркуляции культуры, не объединённая актуальными родственными связями. Это отдалённое, историческое родство, однако взаимопонятность языка и обычаев делает этнос зоной распространения новаций. Если границы этноса или культуры нечёткие — это показатель их проницаемости для инокультурных традиций.

Если на памятнике обнаруживается материал чужой культуры, стратиграфически не выделяющийся, можно говорить о контакте (первое поколение). Если признаки инокультурной керамики явлены комплексно, но узнаваемы и отличия — это след второго поколения контакта. Если инокультурные элементы рассеяны и не вызывают ассоциации с чужой культурой — значит, ассимиляция завершилась. Но если её элементы проявляются в разных хронологических группах, это говорит о контакте родственных культур с давней историей циркуляции информации, либо о том, что выделение их как разнокультурных не обосновано.

Попытки привязать последовательную смену археологических культур к ступеням распада праязыка искусственны: они не сопровождаются выяснением масштаба культурной градации, условий трансформации культур, опираются на предположения о миграциях, строящихся на изменениях легко заимствуемых элементов или на случайных совпадениях. Например, лингвисты требуют от археологов доказательств наличия дальних миграций, разрывов родственных связей с материнской культурой, привязывают к ветвлению языкового древа археологическую периодизацию, трактуя смену археологических эпох культур как следствие развития языков, культурных контактов и переселений. Историю языков лингвисты укладывают в считанные тысячелетия, предполагая их стремительные изменения, намного более быстрые, чем в эпоху, когда существует письменная их фиксация (за 500 лет совершается распад праязыка). Например, группы-изоляты отлично сохраняют диалект веками. Тверские карелы за 400 лет изолированного (от прионежских карел) существования сохранили исходные диалекты. А для лингвистов за пределами 4—5 тыс. л.н. начинается уже пространство неведомых языковых ветвей, полная свобода для лингвистических фантазий. Фантастической выглядит история индоевропейцев, которые за 2 тыс. лет широко расселились и с одинаковым успехом ассимилировали (или истребили) многочисленные народы, находящиеся на разных стадиях социального развития.

Кроме того, В.В. Напольских (Напольских 1997) представляет историю уральских народов, не обращая внимания на то, что это были малочисленные общины с полной автаркией охотничье-рыболовецкого хозяйства, без каких-либо систем управления, которые могли бы использовать завоеватели. Единственная миграция из Сибири, которая могла бы привести монголоидность и алтайский по происхождению язык в безлюдное Приледниковье, произошла около 16 тыс. л.н.: люди попали на Урал и далее — на Европейский Север (Халиков 2008; Павлов 2015; Сидоров 1998).

Наша задача — выделить, опознать группу, определить её родственные отношения с другими группами. Реконструкция быта, хозяйства, системы связей позволяет определить и условия функционирования языка. Попытки привлечь археологию для датировки появления категорий инвен-

таря и материалов не имеют отношения к истории языков: заимствование происходит всегда комплексно.

Миграции не рядовое явление. Этот процесс предполагает перенос в новую природную и социальную среду культуры, которая к ним не адаптирована. В результате она или несёт тяжёлые потери, или быстро начинает меняться, заимствуя опыт другой культуры. Смена этнографического облика ещё не есть смена этноса, если его основа — социальные связи. А родственные связи и безусловные обязательства не разрывает даже смена языка. Происходит ли в результате миграций разрыв с материнской культурой? Такие случаи возможны, но являются исключением. Обычно связи не рвутся. Фатьяновская культура, вышедшая из среднеднепровской, продолжала развиваться параллельно ей на новой территории. Волосовская культура, распространившись по лесной зоне, тоже продолжала развиваться на этих территориях как часть единой общности с культурами шнуровой керамики. В одной последовательности появлялись новации в зарубинецкой культуре и в поздней дьяковской. Информационный обмен шёл и через культурные границы. Земля не так уж велика, а общение — нормальное человеческое свойство.

Гипотеза миграции требует конкретного наполнения фактами, обстоятельствами, а не предположениями о цели миграции. Её может не быть, но обязательно есть материальные условия. Было ли перенаселение на исходной территории? В каком объёме использован ресурс исходной территории? Важнейший вопрос — какова численность и половозрастной состав мигрировавшей группы. Располагала ли культура адаптирующими компонентами для освоения нового пространства? Существовали ли каналы связи с аборигенами до миграции, как они менялись во времени и пространстве? Насколько компактно располагается на новой территории мигрировавшая группа? Какова интенсивность связи с материнской культурой? Увы, выдвигаются только предположения, на эти вопросы пока нет точных ответов, хотя у археологии есть средства для их получения.

Между тем изменения среды позволяют датировать топонимы ледниковыми стадиями не позднее 16 тыс. л.н. (бологовская стадия валдайского оледенения): реки Березена Неманская и Днепровская действительно были одной рекой, как и Нерль Клязьминская и Волжская. А.А. Сейбутис отмечал в Литве также ледниковые формы рельефа, упоминание о которых сохранилось в топонимах, утративших значения «остров», «пролив», «мыс», — где их нет уже тысячи лет (Сейбутис 1974). Реки Нерль Клязьминская и Волжская являются местом сброса ледниковых вод из озера. А гидроним имеет алтайские корни — «*нер*», «*нор*», «*нур*» — «озеро». Вместе с наличием сибирского названия реки Ока эти гидронимы указывают на появление первопоселенцев в Приледниковом краю.

Историческая лингвистика выстраивает картину лингвогенеза по археологическим культурам. При этом она опирается на интралингвистические факторы, но представления о реальных условиях лингвисты, по-видимому, черпают из пресловутого «здравого смысла». Экстралингвистические факторы: характер контактов, их частоту и интенсивность, сферу применения языка, избирательность связей, разделение труда — всё это они учесть не могут. Попытки привлечь археологию для датировки появления категорий инвентаря и материалов не имеют отношения к истории языков: заимствование всегда происходит комплексно, вместе с

терминами, свидетельствуя только о контакте. Языковой же пласт терминов усваивается далеко не в детстве и не относится к основному словарному составу. Он легко пересекает этнические границы. Подобные взаимодействия — результат бытового двуязычия, возникавшего в результате межэтнических браков, которые заключали с представителями не только соседних, но и отдалённых групп. Это было надёжным способом избежать инбридинга, соблюсти экзогамию. Но при этом языки контактирующих групп оставались взаимопонятными. Археологически же фиксируется параллельность развития не только ближних локальных вариантов, но и культур, включаемых в «культурную область», то есть информация просачивалась на тысячи километров.

Археология нацелена на изучение социума, рассмотрение которого также входит в область исследований социологии и культурологии. Человек — животное общественное, и его как таковое изучает психология. Этология стайных животных показала, что характер эмоций, их проявление и реакция на них выходят далеко за пределы вида: архетипы поведения в основе биологичны. Социум существует объективно. Столь же объективно в нём идёт циркуляция информации. Это просто свойство любого социума, не только человеческого. Разница между людьми и животными состоит в том, что первые кодируют информацию в символы. Это позволяет накапливать её в гораздо больших объёмах и оперативнее извлекать. У животных тоже существует символика, но в зачаточной форме, в то время как у человека складывается иерархия символов, в меньшей степени определяемая эмоциями, а значит, менее энергоёмкая. Стоит отметить, что и у высших животных тоже есть зачатки культуры: новые виды поведения в стае передаются обучением. Даже устройство гнёзд у шимпанзе — это результат обучения, а не инстинкт. Не пройдя обучения в стае, обезьяна не овладеет навыком устройства гнезда.

Палеоэкономические исследования как реконструкция условий существования могут вестись непосредственно на археологических источниках. Работы, совмещающие естественнонаучные исследования и археологию, — интерпретация отдельных частных случаев. Накопление описаний этих частных случаев превращает их в статистически достоверные. Определение численности и плотности населения, интенсивности контактов, а также размеров, типов и частоты использования угодий, длительности обитания — всё это результаты наблюдений над археологическими реалиями, интерпретируемые естественными науками и этнографией.

Поселение и его место в экосистеме — важнейший фактор палеоэкономической реконструкции. В нём экономика проявляется в интегрированном виде. Существует ещё один источник, позволяющий оценить качество жизни, — это антропология. Но серийность таких исследований невелика: фактически мы имеем дело с конкретными случаями выявления биологических особенностей и экстраполируем их, предполагая закономерности, которые проявляются через частные случаи. Другая задача — исследование адаптации и связанных с ней особенностей поведения, не исключая и адаптацию социальную, в рамках которой анализируется характер взаимоотношений как с соседними группами, так и внутри собственной.

Половозрастное разделение труда создаёт древнейшие субкультуры — мужскую и женскую — со своими социальными нормами, навыками и даже особым языком. Стремление к лидерству, восходящее к дочелове-

ческим сообществам, тоже формирует свою субкультуру. Особенности психического типа — повышенная эмоциональность, в том числе эмоциональная память, по мере усложнения восприятия мира накапливает иррациональную культуру, строящуюся на закреплении эмоционального опыта. В определённый момент объём иррациональной культуры начинает требовать обученных специалистов — колдунов, шаманов, волхвов, жрецов и поэтов-скальдов. Далее возникают субкультуры мастеров (корпоративные), в том числе группы специалистов по общению между социумами (толмачей), а также воинская субкультура, которая легко переходит в межэтническую: здесь, как и в других корпоративных субкультурах, активно происходит заимствование чужого опыта. Субкультуры обретают знаковые атрибуты, и по ним мы можем определить, в какой сфере происходит межэтническое взаимодействие.

Статистика отражает количественный фактор концентрации признаков в социуме. Она требует формализации, определения единиц статистического учёта как тождеств. Статистически сопоставляются множества, сложенные из условно тождественных элементов. Самое слабое место статистики — доказательство тождества признака. Использование очевидных и элементарных признаков малополезно: например, вторые слишком неоднозначны по содержанию. В результате упрощения, обобщения признака для удобства его использования теряются существенные детали, становятся малозаметными различия в их осмыслении, что ведёт к потере информации, вплоть до фальсификации. Мы можем увидеть в признаке вовсе не то, что видели люди иной культуры. Доказательством может быть только сложный признак, включающий пусть и ещё не распознанный текст осмысления. Простой признак случаен, в разных культурах он имеет разные ассоциации (если вообще имеет), культурная специфика его недоказуема. Он имеет форму, но не содержание, или оно крайне неустойчиво. Количество возможных вариантов применения простых элементов невелико. Ямки в орнаменте, насечки, пояски, стандартные геометрические фигуры могут иметь десятки значений. Но устойчивые сочетания уже оказываются содержательными. А вот строго определённый набор костей, использовавшихся в орнаменте льяловской посуды, показывает, что наполнены ассоциациями были не любые кости, а именно это их сочетание. Использование зубов и челюстей как орнаментов в средневожской и приуральской керамике — это тоже элемент культуры. Те же кости (челюсти) были в распоряжении льяловцев, но они никогда их не использовали для орнаментации. Наличие здесь некоего закодированного текста подчёркивается тем фактом, что именно этот элемент не встречается в льяловской керамике, хотя контакты волго-камской культуры и льяловской происходили. Ямка в орнаменте может иметь множество смыслов в разных культурах, а потому она нейтральна. Скорее, значимым может быть отсутствие ямок. Существенно не само наличие ямок, а воздействие (или его след) на сосуд определённым предметом. В этом и заключалось магическое действие орнамента. Выполненная белемнитом ямка — это, бесспорно, элемент конкретной культуры, так как за ней стоит отдельный текст осмысления предмета, который мог существовать только в вербальной форме. Белемниты («чёртовы пальцы») встречаются далеко не повсеместно, так как их требуется доставить на по-

селение издалека. Заменять их на иные ямочные штампы стали только в финале льяловской культуры. Сложный признак предполагает наличие текста, материализацией которого он является. Сам текст мы можем не читать, но наличие его определяется (доказывается) в связи с существованием отрицательной корреляции.

История природы тоже непосредственно входит в круг интересов археологии. Она даёт основания и для относительной и абсолютной датировки, и для реконструкции адаптивных возможностей культуры. К тому же конкретика наблюдений за формированием природной среды — режима рек и озёр, седиментации осадков, характера изменений растительности и мира — наблюдаема при археологическом подходе значительно детальнее, чем это происходит при изучении крупных регионов палеогеографами.

Исследование былой действительности завершается её реконструкцией. В результате проверяется системность выстроенной связи. Чем шире охват действительности, тем достовернее реконструкция, тем заметнее её ошибки и недостоверные предположения.

На точную оценку экономического значения каких-то новаций, получаемую в результате экспериментов, надеяться не стоит. И навыки, и среда слишком сильно изменились. Но самое главное то, что изменилось и само содержание экономики, она имеет совсем другие ценности. В связи с этим наивными представляются палеоэкономические дефиниции на фоне современной экономической проблематики. Идут поиски следов торговых контактов в эпоху первобытности, вплоть до палеолита, контроля рынка и торговых путей в железном веке. Они не имеют никакого смысла при ином отношении к таким архетипическим категориям, как время, социальные связи, престиж. Их содержание можно оценивать с позиций этнографии, которая сама ещё недавно использовала подобные политэкономические шаблоны, подменяя исследование конкретного явления абстрактной моделью. Приём поиска аналогий — это сопоставление моделей, а не доказательство тождества, он лишь повышает точность сравнения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П. 1998. *Очерки экологии человека*. М.: Изд-во МНЭПУ.
- Долуханов П.М. 1978. Истоки миграций: моделирование демографических процессов по археологическим и экологическим данным. *Проблемы археологии*. Вып. 2. Ленинград, 38—43.
- Жульников А.М. 2003. *Древние жилища Карелии*. Петрозаводск: Скандинавия.
- Зализняк Л.Л. 1989. *Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита*. Киев: Наукова думка.
- Напольских В.В. 1997. *Введение в историческую уралоистику*. Ижевск.
- Павлов П.Ю. 2015. О первоначальном заселении Урала. *Уральский исторический вестник*. Вып. 2 (47). Екатеринбург, 50—60.
- Сейбутис А.А. 1974. Позднеледниковое расселение человека в Южной Прибалтике по данным палеогеографического исследования топонимов. *Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене*. М., 251—255.
- Сидоров В.В. 1998. Трансформации и миграции культур каменного века лесной зоны Восточной Европы. *Тверской археологический сборник*. Тверь, 247—258.
- Сидоров В.В. 2008. Методы оценки численности населения в лесной зоне в неолите. *Человек, адаптация, культура*. М., 139—146.
- Трубачёв О.Н. 2002. *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*. М.: Наука.
- Халиков А.А. 1990. Основные этапы уралоиндоевропейских связей в Среднем Поволжье и Приуралье. *Uralo-Indogermanica*. Вып. II. М., 53—59.

THE PHILOSOPHY OF ARCHEOLOGY

V.V. Sidorov

Archaeology reconstructs the reality that is long gone, by analyzing material evidence in order to discover interdependencies, contacts, data flows, and eventually the past becomes a historical fact. Analytical approach permits differentiation and description, but is insufficient for historical reconstruction due to deficiency of data. What we suggest is needed as a method, is synthesis, where systemic arrangement can be recognized, and various facets of the past reality coalesce. Oftentimes, objectively documented traits constitute nothing but informational noise if they escape a possible all-embracing paradigm. Philosophy is the sense of the world's integrity, the attitude that permits to mentally grasp a given data array in a productive way. When to arrange the factual data that describe different sides of the ancient reality in a systemic way becomes feasible, the resulting picture always possesses outstanding credibility. The integral perception of the ancient past permits us to speak about the philosophy of archaeology.

Culture as an object of scholarly inquiry usually is perceived as a triad of material, spiritual, and cognitive aspects. Culture is the collective experience of a societal unit during the course of its history. The circulation of information creates the society. The routine task in archaeology is to discover societies with distinct cultures, and to recognize their development trajectories and interdependencies. Archaeological inferences can be tested by data from ethnological, sociological, culturological, anthropological, and linguistic research. The author insists on the imperative of paying additional attention to detailed research into the role of migration in cultural expansion, social stratification, discord in term usage and definitions for basic cultural traits, the importance of integral sources for economy reconstructions, and so on.

Keywords: archaeology, philosophy, history of culture, society, archaeological culture, migrations.

REFERENCES

- Alekseev V.P. 1998. *Ocherki ekologii cheloveka* [Essays on Human Ecology]. Moscow: Izd-vo MNEPU.
- Dolukhanov P.M. 1978. Istoki migratsiy: modeli i obozracheniye demograficheskikh protsessov po arkheologicheskim i ekologicheskim dannym [Sources of migration: modeling of demographic processes according to archaeological and environmental data]. *Problemy arkheologii*. Iss. 2. Leningrad, 38—43.
- Zhul'nikov A.M. 2003. *Drevnie zhilishha Karelii* [Ancient dwellings of Karelia]. Petrozavodsk: Skandinaviya.
- Zaloznyak L.L. 1989. *Okhotniki na severnogo olenya Ukrainskogo Poles'ya epokhi final'nogo paleolita* [Reindeer hunters of Ukrainian Polesie of the era of the final Paleolithic]. Kiev: Naukova dumka.
- Napol'skikh V.V. 1997. *Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku* [Introduction to Historical Uralistics]. Izhevsk.
- Pavlov P.Yu. 2015. O pervonachal'nom zasele-
- nii Urals [About the initial settlement of the Urals]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. Iss. 2 (47), 50—60.
- Seybutis A.A. 1974. Pozdnelednikovoe rasselenie cheloveka v Yuzhnoy Pribaltike po dannym paleogeograficheskogo issledovaniya toponimov [Late Glacial Human Resettlement in the South Baltic According to Paleogeographic Research of Toponyms]. *Pervobytnyy chelovek, ego material'naya kul'tura i prirodnyaya sreda v pleystotsene i go lotsene* [Primitive man, his material culture and natural environment in the Pleistocene and Holocene]. Moscow, 251—255.
- Sidorov V.V. 1998. Transformatsii i migratsii kul'tur kamennogo veka lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Transformation and migration of stone age cultures of the forest zone of Eastern Europe]. *Tverskoy arkheologicheskoy sbornik* [Tver archaeological collection]. Tver', 247—258.
- Sidorov V.V. 2008. Metody otsenki chislennosti

- naseleniya v lesnoy zone v neolite [Methods for estimating the population of the forest zone in the Neolithic]. *Chelovek, adaptatsiya, kul'tura* [Man, adaptation, culture]. Moscow, 139—146.
- Trubachev O.N. 2002. *Etnogenez i k ul'tura drevneyshikh slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and Culture of the Ancient Slavs. Linguistic Research]. Moscow: Nauka.
- Khalikov A.A. 1990. *Osnovnye etapy uralo-indoevropeyskikh svyazey v Sredneem Povolzh'e i Priural'e* [The main stages of the Ural-Indo-European relations in the Middle Volga and Ural regions]. *Uralo-Indogermanica*. Iss. II. Moscow, 53—59.